

О ХОЛОКОСТЕ СРЕДСТВАМИ ПОСТМОДЕРНИЗМА (РОМАНЫ ДЖ.С. ФОЕРА «ПОЛНАЯ ИЛЛЮМИНАЦИЯ» И Н. КРАУСС «ХРОНИКИ ЛЮБВИ»)

© 2013 О.Б.Карасик

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Статья поступила в редакцию 30.01.2013

События Второй мировой войны и Холокоста до сих пор находят свое отражения в произведениях многих писателей. Психологическое потрясение от преступлений нацистов и трагедия еврейского народа стали основной темой романов молодых американских писателей – «Полной иллюминации» Дж.С.Фоеера и «Хроник любви» Н.Краусс. С помощью всей гаммы постмодернистских средств представители молодого поколения американской литературы переосмысливают одно из самых трагических событий в истории человечества. Герои романов, открывая для себя прошлое своей семьи и своего народа, приходят к осознанию собственной идентичности.

Ключевые слова: современная американская литература, постмодернизм, Холокост, этническая идентичность.

События Второй мировой войны и трагедия Холокоста вот уже несколько десятков лет остаются одними из самых животрепещущих тем в любой национальной литературе. В Америке трагические события 30-40-х годов фактически воспринимались «со стороны», так как на территории самих США боевые действия не велись, а американские евреи (составляющие самую крупную в мире еврейскую общину) не подвергались преследованиям. Однако эта тема присутствует в произведениях многих выдающихся американских писателей второй половины XX века (К.Воннегута, Н.Мейлера, Ф.Рота и других).

В начале XXI наблюдается ряд новых попыток переосмысления трагедии Холокоста. Особый интерес для нас представляет молодое поколение американских еврейских писателей – тех, кто родился спустя десятилетия после трагедии и является уже внуками иммигрантов из Европы. В статье, посвященной творчеству этих авторов, критик Д.Герман пишет: «Героев их произведений преследуют страшные события европейской истории XX века. Часто персонажами становятся те, кто бежал от этих событий, или молодые американцы, которых интересует прошлое их бабушек и дедушек. И в то же время в этих книгах нет ни излишнего пафоса, ни торжественности»¹ (перевод мой – О.К.). Критик верно определил тенденцию современной американской еврейской литературы:

она пронизана игрой и постмодернистской иронией, и в то же время в ней поднимаются серьезные проблемы, среди которых и переосмысление трагедии Холокоста с позиций человека XXI века.

В 2002 году вышел роман молодого писателя Джонатана Сафрана Фоеера (Jonathan Safran Foer, 1977) «Полная иллюминация» (*Everything is Illuminated*), в котором тема Холокоста получила новую оригинальную интерпретацию. Роман был практически сразу переведен на русский язык, на сегодняшний день он уже выдержал несколько изданий и является одним из наиболее популярных произведений современной американской литературы в нашей стране. В своей статье, посвященной творчеству Дж.С.Фоеера профессор Т.Н.Денисова отмечает: «Можно считать, что вся западная культура после Второй мировой войны – от «Дневника Анны Франк» до «Списка Шиндлера» Спилберга – как стержнем пронизана трагедией Холокоста. И судя по политической ситуации, деактуализации темы не предвидится. Основной пафос в освещении этой темы, как правило, подчеркнут личной трагедией человека, который выступает просто жертвой, ибо его существование, а вернее, его обреченность никак не зависит ни от его поведения, ни от деятельности, ни от личных качеств, – все предопределено в данном месте и времени исключительно его принадлежностью «проклятому» народу. Такой ракурс и вписывался в господствующую в этот период парадигму экзистенциализма, и поддерживался, углублялся благодаря ей. И вот через много лет после Второй мировой войны появляется текст, написанный человеком, который настолько молод, что может знать о ней лишь по свидетельствам других людей, но

⁰Карасик Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы.

E-mail: karassik1@yandex.ru

¹Herman D. New World Reorder. David Herman Hails the Younger Generation of Jewish-American Writers // New Statesman, – 2011. – 18 April. – P. 49.

оказывается способным предложить совершенно новый ракурс мировой трагедии»².

Этот роман является литературным дебютом Дж.С.Фоера, он получил очень лестные отзывы мэтров американской литературы – Джона Апдайка и Джойс Кэрол Оутс, которая была преподавателем начинающего писателя в Принстонском университете. Книга была экранизирована в 2005 году, фильм вышел в российском прокате под названием «И все осветилось», что, на наш взгляд, больше соответствует оригинальному названию и не создает у отечественного читателя неуместной здесь ассоциации с иллюминацией как атрибутом праздника. Однако и это название не до конца передает авторской задумки. Сюжет романа строится вокруг восстановления героями истории своих семей, и лишь в конце все произошедшее много лет назад раскрывается перед молодыми персонажами во всей своей трагической полноте, проливается свет на историю и судьбы людей.

Автор романа заставляет читателя по новому посмотреть на события Холокоста, описывая его средствами постмодернизма. Здесь присутствует игра с авторской маской: одного из главных героев зовут Джонатан Сафран Фоер, он начинающий американский писатель еврейского происхождения. Читатель узнает о событиях от разных повествователей, которые говорят на разных языках (хорошем американском английском Фоера-персонажа и ломанном его «проводника» одессита Александра Перчова с вкраплениями русского, украинского и идиша). Сюжет романа фрагментарен и в нем нарушена хронология, он представляет собой «роман в романе»: история путешествия героев по Украине прерывается эпизодами из романа, написанного Фоером-героем, об истории еврейского местечка, из которого происходят его предки. Еще одним уровнем повествования становится переписка Александра и Джонатана уже после рассказанных событий.

Роман фактически представляет собой трагикомедию: одна сюжетная линия, связанная с путешествием молодого американца по современной Украине, носит явно комический характер, а другая, связанная с историей мест, по которым он путешествует и семейной историей героев, – трагический. В определенный момент эти две линии переплетаются. Герой романа – молодой американский писатель Джонатан Сафран Фоер – приезжает на Украину, чтобы найти женщину, которая когда-то спасла от нацистов его деда и может помочь восстановить семейную историю. Таким образом, фабула

романа основана на мотиве поиска собственных корней с целью обретения себя, собственной идентичности, а само путешествие героев напоминает игру-квест, в которой игрокам необходимо пройти ряд испытаний и отгадать ряд загадок, чтобы прийти к цели.

История катастрофы европейского еврейства предстает в романе через историю вымышленного местечка на западе Украины под нелепым названием Трахимброд, а затем Софьевка. Фоер-персонаж начинает свой рассказ об этом местечке с его возникновения, и продолжает через историю конкретной семьи, что очень напоминает историю семьи Буэндия и вымышленного города Макондо в романе Г.Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», то есть представляет собой постмодернистский вариант семейно-бытовой хроники.

История Трахимброта / Софьевки – это история предков молодого писателя, и он чувствует потребность узнать ее подробности. Будучи американцем, родившимся спустя десятилетия после окончания Второй мировой войны, не зная ни идиша, ни украинского, ни русского, он предпринимает это странное путешествие, фактически в поисках собственной идентичности, так как осознавать себя только американцем XXI века кажется ему недостаточным. Он понимает, что за ним стоит целый культурный пласт, стертый с лица земли, история нескольких поколений еврейской семьи, пережившей страшную трагедию, и, как потомок этих людей, он хочет почувствовать себя частью истории народа, местечка, семьи, то есть обрести этническую идентичность. «В одном из интервью сам автор так передает содержание романа: «Летом, после первого года обучения в колледже, Джонатан Сафран Фоер оставляет принстонскую башню из слоновой кости и отправляется на убогие поля Восточной Европы. Вооруженный только фотоаппаратом сомнительного происхождения, он надеется найти Августину, женщину, которая может сослужить линком между ним и дедом, которого он никогда не знал. Гидом в путешествии служит Александр Перчов, юный украинский переводчик, абсолютно интуитивный и нелепый, который тоже ищет потерянную семью, но в его случае – она рядом и весьма живо ощутима. За этим следуют донкихотские неудачные приключения, оборачивающиеся в острые моменты трагедией и комедией, а, в конечном счете, сводящиеся к экзистенциальным вопросам: кто я? и что я должен делать?»³.

Фактически, герой не смог достичь цели своего путешествия, он не нашел Августину,

²Денисова Т.Н. Всесвітні трагедії від Джонатана Сафрана Фоера // Слово і час. – 2009. – № 1. – С. 28.

³Денисова Т.Н. Всесвітні трагедії від Джонатана Сафрана Фоера..... – С. 28.

однако встретился с другой женщиной, одинокой старухой, которая вывела его и его друзей к тому месту, где раньше располагалось местечко, уничтоженное нацистами. На ломанном английском украинский друг Джонатана Александр описывает это место: «Я умоляю себя нарисовать Трахимброд так, чтобы вы поняли, почему нас охватил благоговейный ужас. Там не было ничего. Изрекая «ничего», я не имею в виду ничего, кроме двух домов, и дров на земле, и битого стекла, и детских игрушек, и фотографий. Изрекая, что там не было ничего, я хочу сказать, что там не было ни этих вещей, ни каких-либо других. «Как?» — спросил герой. «Как? — спросил я Августину. — Как здесь могло что-либо когда-либо существовать?». — «Это произошло быстро», — сказала она, и мне было бы этого достаточно»⁴. С этого момента меняется тон повествования, которое подходит к кульминации, приобретая трагический характер.

Дж.С.Фоер намеренно вводит в роман страшный эпизод расправы над евреями Трахимброта / Софьевки, описанный ее непосредственной свидетельницей, чтобы дать читателю возможность прочувствовать и осознать те изощренные издевательства, на которые оказались способны нацисты, и которые начались с поругания священных для евреев вещей. В то же время это единственный эпизод в романе, непосредственно описывающий Холокост. История, рассказанная старухой — абсолютный вымысел автора романа, однако этот вымысел очень близок к тому, что действительно происходило в годы нацистской оккупации в любом из местечек Польши, Украины, Белоруссии, Литвы и т.д. «Они сожгли синагогу». ... «Это первое, что они сделали». ... «Затем они сделали в шеренги всех мужчин». ... «Это было в центре города. Там, — сказала она и указала пальцем в темноту. — Они разложили перед ними свитки Торы. Ужасная вещь. Мой отец приказывал нам целовать любую книгу, если она касалась земли. Хоть кулинарную. Хоть детскую. Хоть детектив. Хоть пьесу. Хоть роман. Даже газету. Генерал прошел вдоль шеренги и сказал каждому из мужчин плюнуть на Тору, а не то они убьют его семью»⁵.

Пожилая женщина, имя которой так и остается читателю неизвестным, очень подробно описывает как мужчины плевали на Тору, спасая жизнь своих жен и детей, не зная, что впоследствии они все равно будут убиты. Постепенно она подходит к кульминации своего рассказа — страшной сцене, которую она вспоминает всю жизнь. Она решает рассказать все

героям, чтобы передать им память о Трахимброте / Софьевке и его обитателях. «Надо вам сказать, что самым страшным в этом рассказе было то, как стремительно он развивался. Я имею в виду не то, что в рассказе происходило, а то, как она его рассказывала. Я почувствовал, что этого уже не остановить»⁶. Немецкий генерал приказал ее отцу плюнуть на Тору, но тот отказался, и генерал застрелил ее мать. Затем он вложил пистолет в рот ее четырехлетней сестре и приказал отцу плюнуть, но он вновь отказался, и сестра была убита. «Они сорвали платье с моей старшей сестры. Она была беременна и с большим животом. ... Помню, ее трясло от холода, хотя было лето. Они стащили с нее трусы, и один из мужчин вложил пистолет в ее место, а другие до того смеялись, я всегда этот смех помню. Плюй, сказал Генерал моему отцу, плюй, или не будет младенца». — «И он плюнул?» — спросил Дедушка. «Нет, — сказала она. — Он отвернулся, а они выстрелили сестре в ее место. ... Но моя сестра не умерла. Поэтому они вложили пистолет ей в рот, а она была уже на земле, плачущая, кричащая, сжимающая руками свое место, из которого теперь было так много крови. Плюй, сказал Генерал, плюй, а не то мы ее не пристрелим. ... Он приставил пистолет к папиной голове. Плюй, сказал Генерал, и мы убьем тебя. ... И он плюнул»⁷. Тяжело раненная молодая женщина осталась жива — неродившийся младенец спас ей жизнь, она добралась до леса и после того, как нацисты уничтожили жителей местечка и ушли, собрала все, что осталось — вещи, фотографии, сняла с мертвых обручальные кольца и закопала, чтобы когда-нибудь показать все это тем, кто придет искать место, на котором когда-то стояла деревня. Коробки, в которых хранятся вещи жителей местечка, порой самые простые бытовые мелочи, приобретают в романе глубокий смысл: они становятся символами памяти о тех, о ком уже некому помнить, потому что уничтожены были целые семьи, этот архив фактически остается единственным свидетельством трагедии. «Фрагмент романа необыкновенно драматичен, автор, создавший на плоскости украинской степи эти полуфантастические картинки — коробки, в которых сложены поношенные детские башмачки, и уцелевшие на обгорелых руках кольца, и оставшиеся на пожарище старые письма, вроде бы и сохраняет верность постмодернистской поэтике, уводя читателя в некий уже ирреальный мир, а с другой стороны отходит от ее универсальной ироничности, переводит эмоции

⁴Фоер Дж.С. Полная иллюминация. — М.: 2006. — С.237.

⁵Там же. — С.238.

⁶Там же. — С.240.

⁷Там же. — С.240 — 241.

читателя в плоскость щемящего эмоционального переживания»⁸.

Страшным последствием Холокоста для тех евреев, кто его пережил, становится утрата веры. Религия, которая на протяжении веков помогала им преодолевать ненависть и гонения, и определяла их идентичность, утрачивает свою значимость. «Те, кто возвращался, были уверены, что найдут и свой дом, и своих друзей, и даже родных, которых на их глазах убили. Говорят, что перед концом света должен прийти Мессия». – «Но это не был конец света», – сказал Дедушка. «Конец. Просто он не пришел». – «Почему он не пришел?» – «Это и был урок, который мы вынесли из всего происшедшего: Бога нет. Вон сколько людей в окнах. Ему пришлось заставить от нас отвернуться, что нам это доказать». – «Что если это было испытанием нашей веры?» – сказал я. «Я не могу верить в Бога, который испытывает веру таким образом». – «Что если это было не в Его власти?» – «Я не могу верить в Бога, который не властен такое остановить». – «Что если все это было делом рук человека, а не Бога?». – «В человека я тоже не верю»⁹. Только при этих словах Джонатан и Алекс начинают осознавать, чем стал Холокост для европейских евреев. Постепенно, приобщаясь к истории и узнавая о своих предках, которые были участниками событий чудом выжили, они сами начинают ощущать себя частью этой истории. Услышав рассказ старухи, они осознают, что стали единственными, которым она поведала обо всем и которым показала то, что осталось от жителей Трахимброда / Софьевки, а значит они должны сохранить эту память. В этот момент молодой американский писатель и украинский парень перестают быть комическими персонажами, а читатель отодвигает на второй план все странные события, которые с ними происходили во время путешествия, и все нелепые поступки, которые они совершали. Возвращение к корням становится поворотной точкой в обретении своей идентичности, которое происходит через осознание трагедии.

Рассказ женщины оказывается поворотным моментом и в литературном творчестве Фоера-персонажа: услышанное «пробуждает» его писательский дар и вдохновляет его на создание романа, речь о котором и идет в его переписке с Александром, откуда читатель узнает о том, что роман написан. Исходя из этого профессор Т.Н.Денисова делает совершенно справедливое заключение: «Фактическим смыслом романских перипетий и становится поиск

(квест) двумя столь разными действующими персонажами своей идентичности, ощутить которую невозможно, не почувствовав собственных истоков и корней, что оказываются как узлом, связанными трагедией Холокоста»¹⁰.

Николь Краусс (Nicole Krauss, 1974) также поднимает в своем творчестве тему Холокоста и его осознания как части этнической идентичности. «Хроники любви» (*The History of Love*) – это второй и наиболее известный роман писательницы. Он вышел в 2005 году, был переведен на многие языки, в том числе и русский, и стал мировым бестселлером. Н.Краусс сегодня называют одним из наиболее успешных и перспективных американских авторов. Название романа кажется простым и даже банальным (в русском варианте оно звучит более оригинально, чем в подлиннике), однако неопределенный артикль указывает на уникальность рассказанной любовной истории, на то, что она своеобразна и не похожа на другие подобные.

Композиция романа довольно сложна и носит ярко выраженный постмодернистский характер: две параллельные сюжетные линии, сначала никак связанные друг с другом, впоследствии сходятся в одной точке, и причиной тому становится автобиографический роман «Хроники любви», написанный героем много лет назад и никогда не опубликованный. Таким образом, мы можем говорить о том, что это произведение тоже представляет собой «роман в романе». Автор использует различные виды повествования – рассказ от первого лица, дневниковые записи, записки, газетные статьи, и непосредственно текст романа, написанного героем.

Тема Холокоста, как и тема любви, появляется в самом начале романа – в посвящении, которое предваряет непосредственное повествование: «Моим дедушкам и бабушкам, научившим меня, как не исчезнуть, и Джонатану, в котором вся моя жизнь»¹¹. Здесь речь идет о бабушках и дедушках писательницы, евреях, происходивших из Германии, Венгрии, Украины и Белоруссии, переживших Холокост. Джонатан – это муж Н.Краусс, известный американский писатель Дж.С.Фоер, о котором мы говорили выше.

В романе присутствуют явные автобиографические элементы: писательница частично воспроизводит события из жизни своих родителей, бабушек и дедушек, которые родились и выросли в маленьком белорусском городке Слоним, где прошло и детство главного героя

⁸Денисова Т.Н. Всесвітні трагедії від Джонатана Сафрана Фоера – С. 32.

⁹Фоер Дж.С. Полная иллюминация – С.243.

¹⁰Денисова Т.Н. Всесвітні трагедії від Джонатана Сафрана Фоера – С. 32

¹¹Краусс Н. Хроники любви. – М.: 2011. – С.1.

романа Лео Гурски. Все в его жизни было безоблачно — большая любящая семья, первая взаимная любовь, мечты о будущем, однако все это закончилось летом 1941 года, когда город был оккупирован нацистами: «...айнзатцгруппы продвигались вглубь в восточном направлении, убивая сотни тысяч евреев. Светлым жарким июльским днем они вошли в Слоним»¹². Все это Лео описал в своем романе. Ему удалось спастись, но его родные погибли, а любимая девушка Альма эмигрировала в Америку. После войны он отправился на ее поиски, но при встрече выяснилось, что она давно замужем, а его сын, о котором он не знал, носит фамилию другого человека, и не знает, кто его настоящий отец. На момент начала действия романа Лео 70 лет, он живет в Нью-Йорке и единственный человек, с которым он общается, — его сосед, такой же одинокий старик-иммигрант, как и он сам. Поворотной точкой в его размеренной и скучной жизни становится известие о смерти сына, знаменитого американского еврейского писателя Исаака Морица, которого Лео никогда не видел, однако гордился тем, что сын стал именно писателем, то есть исполнил его собственную мечту. Это событие, которым герой узнает из газетного некролога, заставляет его переосмыслить свою жизнь, восстановить в памяти свое прошлое и попытаться понять, почему он так и не решился явиться к своему сыну и рассказать историю любви с его матерью. Смерть совершенно незнакомого ему человека, который только биологически был его сыном, заставляет Лео в полной мере осознать, как он одинок и как пуста его жизнь: «Я потерял единственную женщину, которую хотел любить. Я потерял годы. Я потерял книги. Я потерял дом, в котором родился. И я потерял Исаака. И кто возьмется утверждать, что где-то по пути я не потерял рассудок? Моей книги нигде не было. Если не считать меня самого, в доме не было никаких признаков моего присутствия. Нет как нет»¹³.

Воспоминания о детстве и юности, родном городе, потерянных близких и любимой девушке становятся попыткой Лео Гурски вернуть самого себя, ощутить себя реально существующим человеком, а не пустотой, с которой он почти смирился. Он постепенно воспроизводит события своего прошлого, и осознает, что он не одинокий старик, о котором все забыли и который прозябает в огромном городе, а человек, который непосредственно связан с историей XX века, стал ее свидетелем, пережил катастрофу. Он также писатель, создавший произведение, которое изменило судьбы нескольких человек.

Случайно найденная рукопись его романа «Хроники любви», которую Лео считал давно утраченной, становится связующим звеном между ним и девочкой-подростком, мать которой когда-то прочла этот роман и назвала свою дочь в честь его героини — Альмой. Причем рукопись, которая попадает в руки Лео не является первоначальным вариантом, написанным его рукой. Это переделанная версия его романа, переписанная на испанском языке, где действие перенесено из белорусского городка в Южную Америку, а имена героев изменены на типично латиноамериканские — все, кроме имени главной героини. Таким образом в рамках одной книги возникают три романа под название «Хроники любви»: сама книга, которую держит в руках читатель и на обложке которой стоит имя Н.Краусс; роман, написанный ее главным героем Лео Гурски, который не был опубликован и исчез; переписанный роман на испанском языке, рукопись которого попадает в руки Лео. Создавая такую сложную конструкцию, Н.Краусс, вероятно, лишней раз подчеркивает, что прошлое персонажа утрачено навсегда и та его жизнь, которая была до войны уже никогда не вернется. В то же время, оказывается, что история любви (а именно так дословно переводится название романа) существует вне времени, страны и языкового пространства, и остается узнаваемой даже если ее перенесут в другие условия и заменят имена.

В романе нет страшных сцен уничтожения и издевательств над евреями, Н.Краусс больше внимания уделяет тому, как Холокост повлиял на судьбы героев, нарушил естественный ход их жизни, заставил стать не теми, кем они были. «Мир рухнул. Ни один еврей не мог чувствовать себя в безопасности. Ходили слухи о кошмарных вещах, настолько кошмарных, что мы не могли в них поверить, пока у нас уже не осталось выбора и не стало слишком поздно...»¹⁴.

Герой, рассказывая свою историю, подчеркивает, что переселившись в Америку после войны, он, как и его единственный друг и сосед, должен был не просто начать новую жизнь, потому от прежней ничего не осталось, но и стать другим человеком, забыть о своих корнях, о своем родном языке: «Мы часто сидим вместе за столом у меня на кухне. Мы можем просидеть так целый день, не говоря ни слова. А если и разговариваем, то ни в коем случае не на идише. Слова нашего детства стали для нас чужими — мы не могли использовать их так, как раньше, и поэтому решили вообще их не произносить. Жизнь требовала нового

¹²Краусс Н. Хроники любви... — С.10.

¹³Там же. — С. 276.

¹⁴Там же. — С.10.

языка»¹⁵. Вместе с языком забываются и страшные события — те, о которых лучше не вспоминать. Единственное, чего боится герой — умереть в одиночестве. В конце романа он действительно умирает, но это можно назвать спокойной и счастливой смертью, так как рядом с ним оказывается Альма, не та, которая была его возлюбленной в давно исчезнувшем мире, девочка, названная в ее честь. Таким образом, восстанавливая свое прошлое, Лео не только обретает себя, но и новых близких.

В романах «Полная иллюминация» и «Хроники любви» мы видим, как современные

американские писатели переосмысливают трагедию Холокоста и представляют ее читателям средствами постмодернизма, которые позволяют более понять прошлое и преемственность поколений. Обращаясь к трагическим событиям и интерпретируя их, молодые писатели поднимают проблемы поиска корней, памяти, и этнической идентичности, которая невозможна для них без осознания себя звеном в исторической цепочке, частью истории народа.

¹⁵ Краусс Н. Хроники любви... – С.6.

**THE HOLOCAUST BY MEANS OF POSTMODERNISM
(J.S. FOER'S *EVERYTHING IS ILLUMINATED* AND N. KRAUSS'S *THE HISTORY OF LOVE*)**

© 2013 O.B.Karasik^o

Kazan (Volga Region) Federal University

The events of the Second World War and the Holocaust are still one of the most touching and relevant topics in the works of many writers. The psychological shock from the Nazi crimes and the tragedy of the Jewish people are the major themes in the works of two young American authors – J.S. Foer's *Everything is Illuminated* and N. Krauss's *The History of Love*. The whole range of postmodernistic means are involved for representing and re-thinking one of the most tragic events in human history. Discovering the history of Jewish people and their own families, the heroes of these novels find their own identities.

Keywords: Contemporary American literature, Postmodernism, the Holocaust, ethnic identity.

^o Karasik Olga Borisovna, PhD, associate professor Department of World Literature. E-mail: karassik1@yandex.ru